

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Научная статья

УДК 81.374.3

doi: 10.17223/22274200/28/1

Принципы нормативности и историзма в русской академической лексикографии: еще раз о типе большого толкового словаря

Роман Игоревич Воронцов¹, Марина Николаевна Приемышева²,
Елизавета Владиславовна Пурицкая³

^{1, 2, 3} *Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия*

¹ *roman.vorontsov.86@gmail.com*

² *mn.priemysheva@yandex.ru*

³ *purichi@list.ru*

Аннотация. Поднимается важная для теории и истории лексикографии проблема: соотношение принципов нормативности и историзма в большом толковом словаре. Это противоречие рассматривается как типологическое (нормативный словарь vs исторический словарь-тезаурус) и как методологическое, проявляющееся в отборе слов, интерпретации семантики, стилистической характеристике и фиксации вариантов. Более детально анализируется описание устаревшей лексики и семантической структуры многозначного слова в БАС.

Ключевые слова: российская лексикография, толковый словарь, Большой академический словарь русского языка, нормативность, историзм, устаревшая лексика, семантическая структура слова

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00407 «Лексикографические принципы нормативности и историзма на современном этапе: разработка типологических характеристик большого цифрового академического толкового словаря русского языка», <https://rscf.ru/project/23-28-00407/>

Для цитирования: Воронцов Р.И., Приемышева М.Н., Пурицкая Е.В. Принципы нормативности и историзма в русской академической лексикографии: еще раз о типе большого толкового словаря // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 5–27. doi: 10.17223/22274200/28/1

Original article

doi: 10.17223/22274200/28/1

Principles of normativity and historicism in the Russian academic lexicography: The *great explanatory dictionary* type re-examined

Roman I. Vorontsov¹, Marina N. Priemysheva², Elizaveta V. Puritskaya³

^{1, 2, 3} *Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russian Federation*

¹ *roman.vorontsov.86@gmail.com*

² *mn.priemysheva@yandex.ru*

³ *purichi@list.ru*

Abstract. The article is dedicated to the problem of correlation between the two essential principles of explanatory lexicography in the conceptual design of the *Great Academic Dictionary of the Russian Language* (hereinafter the Dictionary): these are the principles of normativity and historicism. Within the scope of the Russian academic lexicography, the problem in question has not been well-developed in relation to an explanatory dictionary of the *great* type. In the 20th–21st centuries, the type of a fundamental multi-volume academic dictionary of the Russian language was embodied in three editions: today, the third one (in 35 volumes) is being prepared. The Dictionary proposes a comprehensive lexicographic evidence of the Russian literary vocabulary and, therefore, is often referred to as the biggest achievement of the Russian lexicography. For all its undeniable advantages, the Dictionary combines two contradictory principles: the principle of *historicism* (reflecting the Russian literary language “from Pushkin to our time”) and the principle of *normativity* (codifying the current standard language). To a great extent, the combination of these two principles has emerged occasionally, which was determined by the following factors: first, the lack of research in the dictionary typology, in the theory of standard language, in the problems of synchronic and diachronic lexicography, which was typical of the early 20th-century Russian linguistics; and, second, a very close relationship of the Dictionary with the previous imperfect lexicographic projects. The combination of the two principles results in two contradictions: the *typological* one, making it hard to constitute the exact dictionary type, and the *methodological* one, which does not contribute to a proper imple-

mentation of various lexicographic techniques and approaches. The typological contradiction is considered with respect to the definitions of basic notions, to their correlation in the concepts of academic dictionaries, and to the historical reasons that determined the emergence of the abovementioned lexicographic conflict in the late 1930s when the Dictionary workflow was launched. The methodological contradiction is due to the co-existence of the two basic principles in the current Dictionary (the third one). In a single entry, the description of modern semantic, stylistic, and grammatical features of the word as well as the specifics of its use in the contemporary language is often combined with the description of features that were typical of this word in the 19th—early 20th centuries. In the article, based on the description of obsolete vocabulary and interpretation of the word semantic structure, the authors study the lexicographic areas where the conflict of normativity and historicism leads to inconsistencies that may hardly be worked through. The statement and brief analysis of the problem is the first step toward the development of a non-contradictory concept of the following—now definitely electronic—*Great Academic Dictionary of the Russian Language*.

Keywords: Russian lexicography, explanatory dictionary, Great Academic Dictionary of the Russian Language, normativity, historicism, obsolete vocabulary, semantic structure of word

Acknowledgements: The study is funded by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00407, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00407/>

For citation: Vorontsov, R.I., Priemysheva, M.N. & Puritskaya, E.V. (2023) Principles of normativity and historicism in the Russian academic lexicography: The *great explanatory dictionary* type re-examined. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 28. pp. 5–27. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/28/1.

Постановка проблемы

В словарном многообразии каждой языковой культуры существует иерархия, в которой национальный язык имеет одно-два крупнейших словарных издания, представляющих народ и страну в пространстве глобального мира (например, Оксфордский словарь английского языка, словарь Французской академии, словарь Королевской академии испанского языка и др.). В России одним из таких изданий, признанным «высшим достижением отечественной лексикографии» [1. С. 84], в полном объеме отражающим лексическую систему русского литературного языка, уже более двух столетий является фундаментальный многотомный *большой академический словарь* (БАС). В XX–XXI вв. он представлен тремя изданиями: «Словарь современного русского

литературного языка» в 17 томах, изданный в 1948–1965 гг. и включающий 120 000 слов (далее – БАС-1) [2], незавершенное переиздание этого словаря (вышло 6 томов), предпринятое в 1991–1994 гг. (далее – БАС-2) [3], и «Большой академический словарь русского языка» (далее – БАС-3) [4], который издается с 2004 г. и в настоящий момент приближается к завершению (к 2023 г. издано 27 томов из запланированных 35; словарь будет включать около 150 000 слов). БАС-3, продолжая и развивая традиции создания академических больших толковых словарей, является десятым фундаментальным словарным предприятием Академии наук, начиная со «Словаря Академии Российской» (1789–1794).

Как отмечал А.С. Герд, БАС-1 во многом сложился на основе Словаря Грота–Шахматова и Словаря Словарной Комиссии АН СССР и не изменил основную метаструктуру своих предшественников, а базовые принципы и установки большого академического словаря до настоящего времени в целом остаются неизменными с конца 1930-х гг. [5. С. 953]. Словарь задумывался как нормативный, при этом одновременно его задачей было представить «современный литературный язык в широкой исторической перспективе» [6. С. 91]. Так, В.В. Виноградов, признавая БАС-1 самым значительным словарем русского языка, полагал, что тот «не оформился в особый самостоятельный тип словаря» [7. С. 25], поскольку не смог одновременно и должным образом решить задачи исторического и нормативного описания русской лексики. Сосуществование принципов нормативности и историзма в одном издании, по сути, уникальное для всей мировой лексикографии, до сих пор является отличительной особенностью БАС, хотя и не осознается большинством пользователей словаря как проблемное.

Принцип *историзма*, инерционно оставшийся в БАС-1 от «шахматовского» издания и обусловленный в том числе хронологическими рамками словаря («от Пушкина до наших дней»), явно противоречил принципу *нормативности*, под которым понималось отражение текущей стадии языковой синхронии с учетом литературной нормы в данный период времени. Нормативность постулировалась как ведущий принцип с самого начала работы над БАС-1 и была обусловлена запросом общества и государства на нормативный справочник по русскому языку, отражающий прежде всего современное (на тот момент) состояние лексической системы (см.: [8, 9]).

Именно проблема *типа* большого толкового словаря была одной из центральных проблем, обсуждавшихся в связи с БАС. Проблема совмещения *историзма* (диахронии) и *нормативности* (синхронии) в концепции словаря горячо обсуждалась и на начальной стадии работы (В.И. Чернышев, Л.В. Щерба и др.), и в дискуссиях о словаре в 1950–1960-е гг. (В.В. Виноградов, Е.А. Земская, Ю.С. Сорокин, Е.Н. Толикина, Ф.П. Филин и др.), когда словарь отражал русский литературный язык за 150 лет его истории. Сегодня БАС-3 отражает уже более 200 лет истории русского литературного языка, и проблема соотношения принципов нормативности и историзма встает еще более остро. В то же время следует признать, что она почти не обсуждается исследователями, а концепция БАС, пусть и не безусловно, но все-таки принята в отечественной лексикографии. Подробно теоретические подходы к проблеме историзма и нормативности, равно как и способы их реализации (на материале БАС), рассмотрены в [10].

Сочетание двух названных принципов, не обоснованное концептуально и теоретически, а сложившееся во многом исторически случайно и эволюционно, ставит перед лексикографами подчас неразрешимые задачи при разработке словарных статей, не способствует правильному отражению историко-лексикологической информации в словаре, а главное – остро ставит вопрос о *типе* словаря. Так, в одной словарной статье часто совмещается описание современной семантики, стилистики и грамматики слова, особенностей его употребления в современном русском языке – и характеристик, которые были свойственны данному слову в XIX – первой половине XX в. Это затрудняет пользование словарем как надежным нормативным источником и может препятствовать адекватному пониманию текстов классической русской литературы, так как словарь иногда неправомерно проецирует современные особенности слова на его употребление в XIX в.

Компромиссное сосуществование принципов историзма и нормативности приводит к двум теоретическим противоречиям: *конституциональному* (типологическому) и *методологическому* (невозможности удовлетворительного сочетания приемов и подходов к работе над словарем). Актуальность обращения к данной проблематике в настоящее время обусловлена тем, что БАС, являясь основой системы словарей русского языка и имея в силу своего масштаба особое национально-культурное значение, задает основной вектор развития всей отечественной толковой лексикографии, поэтому и достижения, и

проблемы этого словаря оказываются в равной мере важными как для данного лексикографического типа, так и для развития всей российской лексикографии, а разрешение этих противоречий является главнейшей предпосылкой для разработки концепции следующего издания БАС, которое будет создаваться уже в новой – цифровой – технологической реальности.

Нормативность vs историзм: типологическое противоречие

История отечественной академической толковой лексикографии представляет собой череду сменяющих друг друга словарей, ориентированных на описание литературной нормы, и словарей, пытающихся охватить «историческую перспективу» в развитии русского языка, на что впервые обратил внимание Л.В. Щерба [11. С. 96]. Более подробно эту тенденцию рассмотрел В.В. Виноградов в программной статье «Толковые словари русского языка» [12]. Так, на смену нормативно-стилистической концепции «Словаря Академии Российской» (1789–1794) и «Словаря Академии Российской, по азбучному порядку расположенного» (1806–1822) пришла концепция словаря – «сокровищницы русского языка на протяжении многих веков, от первых письменных памятников до позднейших произведений нашей словесности» [13. Т. 1. С. IX], которая была реализована в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847). Следующий академический «Словарь русского языка» под ред. Я.К. Грота (А–Д) был строго нормативным словарем русского литературного языка. Однако затем под руководством А.А. Шахматова академический словарь стал описывать лексику русского языка не только за весь период его существования, но и на всей территории его распространения, в результате чего в словарь широко стала включаться диалектная лексика. Это колебание в истории русской фундаментальной академической лексикографии между типами нормативного словаря и словаря-тезауруса стало практически базовой ее традицией. Поэтому закономерно, что следующий после шахматовского академический словарь (будущий БАС-1) должен был стать «нормативным».

Однако с первых шагов работы над БАС-1 возникли серьезные научные проблемы в разработке его концепции, которые привели к тому, что словарь впервые в истории отечественной, а в строгом смысле слова, и мировой лексикографии стал словарем компромисс-

ного типа, «словарем современного языка с исторической перспективой, раскрывающим динамику исторического развития современного языка от пушкинской эпохи до наших дней» [6. С. 91]. И этому способствовало несколько объективных факторов.

Во-первых, концепция словаря была жестко предписана коллективу в постановлении Президиума АН СССР: «Издаваемый словарь русского языка должен быть *толково-историческим, нормативным* (курсив наш. – Р.В., М.П., Е.П.)», должен стать проводником «правильного употребления форм и оборотов русского языка» и в то же время охватить «все богатство языка с указанием значений слов и грамматической их интерпретации на протяжении от половины XVIII века до наших дней» [14. С. 80].

Во-вторых, в том же постановлении указано, что все 12–15 томов словаря должны быть изданы в течение 1938–1942 гг., поэтому авторы вынуждены были использовать в начале своей работы имеющиеся материалы как неоконченного словаря «шахматовской редакции» (1920–1929 гг.), так и неоконченного «седьмого» издания (1929–1937 гг.). Помимо ряда ценных наработок предыдущих изданий, в новый словарь попал и целый ряд их недостатков, в том числе один из самых серьезных – стремление отразить всю историческую перспективу развития лексики.

И в-третьих, на момент начала работы над словарем не были разработаны такие теоретические проблемы, как типология словарей, понятие нормативности и историзма, синхронии и диахронии в лексикографии. И если понятие «историзм» в той или иной степени было вынужденно и компромиссно осознано авторами и редакторами словаря как подача исторической информации только в справочных целях и только для современной лексики, то понятие «нормативность» в концепции большого словаря вызывало большие затруднения [15].

Таким образом, в концепции БАС с самых первых шагов было заложено теоретическое противоречие: словарь должен был одновременно стать нормативным словарем современного литературного языка и при этом отразить историческую перспективу развития лексики. И это противоречие очень хорошо осознавалось как *неразрешимое* с самого начала работы. Л.В. Щерба в связи с этим говорил: «Сделать так, чтобы Словарь был нормативный, чтобы Словарь был исторический, чтобы Словарь был толковый, да еще чтобы краткий, – невозможно. Я думаю, что это в значительной мере несоединимые вещи» [15. С. 50–51].

Парадокс концепции будущего БАС-1 заключался в том, что словарь идеологически мыслился как «нормативный», содержательно – как «толково-исторический», а на практике авторы были вынуждены выполнить поставленную государственную задачу в пятилетний срок и ориентироваться только на свои реальные возможности. В результате заложенное в концепции противоречие еще более осложнилось, а сегодня обретает новую актуальность.

Нормативность vs историзм: методологическое противоречие

Проблема типологии большого толкового словаря в теоретическом плане обычно не осознается как острая: словарь был признан типологически компромиссным и благодаря классификации С.И. Ожегова [6] занял свое особое место в системе толковых словарей русского языка. Однако в методологии работы, в преддверии разработки концепции следующего словаря большого типа, проблема сосуществования противопоставленных друг другу принципов нормативности и историзма и их реализации в рамках традиционной структуры словарной статьи становится очень острой и требует осмысления.

Основополагающая для всех трех изданий БАС «Инструкция...» (1958) декларирует *примат принципа нормативности*: «Будучи в основном нормативным, Словарь не может быть собственно историческим» [16. С. 6]. А *элементы историзма* должны выполнять в словаре вспомогательную функцию – «давать читателю разного рода справки исторического характера» [16. С. 7].

Согласно «Инструкции» 1958 г. и предисловию к БАС-3, **нормативность** БАС, как и других академических толковых словарей, реализуется в следующих параметрах:

- в словнике отражена *общеупотребительная* лексика (входящая как в активный, так и в пассивный словарный запас носителей) *литературного* русского языка, границы которого традиционно определяются «от Пушкина до наших дней»; не включаются жаргонизмы, диалектизмы, узкоспециальные термины и т.д.;

- стилистическая, орфографическая, грамматическая, орфоэпическая характеристика при вокабулах, внутри словарной статьи и в справочном отделе дается *с позиции современной литературной нормы*;

- каждое слово или значение иллюстрируется цитатами из художественной и научно-популярной литературы, как правило, *образцового уровня*.

Принцип **историзма** (или «элементы» историзма) реализуется следующими способами:

- цитаты, иллюстрирующие каждое слово и значение за весь период его функционирования начиная «от Пушкина» и до «наших дней», располагаются в хронологическом порядке;

- при описании семантической структуры многозначных слов учитываются не только логико-семантические связи между значениями, но и их деривационно-хронологические характеристики (подробно см. далее);

- описание хронологически маркированных слов и значений осуществляется при помощи помет *устар.* и *устаревающее*, ремарок типа «в Древней Руси», «в советское время» и других описательных способов (подробно см. далее);

- словообразовательные, орфографические или орфоэпические варианты слова в период «от Пушкина до наших дней» показываются и иллюстрируются в словарной статье или в справочном отделе;

- основная «историческая» информация о слове представлена в справочной зоне: указывается первая лексикографическая фиксация слова и его вариантов, начиная со словарей древнерусского языка и заканчивая словарем, зафиксировавшим современный вариант; указываются варианты с начала XIX в. («с иным напис.»; «с иным произнош.»; «в иной форме» и т.п.).

Так, историзм, существующий только в форме «элементов» и как вспомогательный принцип словаря, методологически требует большой дополнительной исследовательской работы и представляет собой наиболее объемную часть словарной статьи. Более того, именно включение «элементов историзма» приводит к возникновению противоречий в метаязыке словаря.

В методологическом отношении выделяются четыре ключевых аспекта лексикографической работы, где непосредственно сталкиваются и вступают в противоречие нормативный и исторический векторы словарного описания: 1) отбор слов для включения в словарь (формирование словника); 2) интерпретация семантической структуры слова; 3) нормативно-стилистическая характеристика лексики; 4) описание грамматических, орфографических и орфоэпических вариантов. Не имея возможности в рамках данной статьи подробно характеризовать каждый из этих аспектов, покажем, как сталкиваются нормативность и историзм в двух следующих областях: а) отбор и характери-

стика хронологически отмеченной лексики и б) организация семантической структуры многозначного слова.

Устаревшая лексика в БАС: принципы отбора и способы описания

Принципы включения и описания устаревшей лексики в трех изданиях БАС пережили ряд изменений. БАС-1, согласно замыслу создателей, содержит лишь «элементы историзма», а помета *устар.* и элементы толкования слов типа «в древней Руси», «в старину», «в конце XVIII и начале XIX века» и другие представляют лишь «некоторый материал для исторического осмысления слов, их значений» [16. С. 6]. Помета *устар.* отнесена к стилистическим пометам и «указывает, что слово или одно из значений вышло из употребления в живом современном языке или употребляется, но воспринимается как архаизм» [16. С. 42].

Расплывчатость подходов к устаревшей лексике в БАС-1 вызвала критику лексикографов [7, 17], и во втором издании словаря (БАС-2) «строже различается устаревание слов при сохранении обозначаемой реалии <...> и утрата для современной жизни самих предметов, понятий, свойственных прошлому» [3. Т. 1. С. 10].

Концепция БАС-3 закрепляет задачу словаря как «сокровищницы русской лексики XIX–XXI веков», «уникального справочника при чтении русской литературы XIX–XX веков, который расширяет интеллектуальный кругозор читателя, повышает его речевую культуру» [4. Т. 1. С. 5–6].

В БАС-3 расширен круг источников устаревшей лексики (включаются также «слова, которые представлены <...> в современной историко-публицистической литературе» [4. Т. 1. С. 9–10]), оговариваются принципы разграничения историзмов и архаизмов [4. Т. 1. С. 25], вводится динамическая помета *устаревающее*, которая «указывает на то, что слово, его значение или форма переходит в пассивный запас литературного языка» [4. Т. 1. С. 25]. Кроме того, отмечен и процесс деархаизации лексики, однако особых способов для маркирования таких единиц не предложено.

Лексикографическое представление хронологически отмеченной лексики в БАС-3 осуществляется при помощи различных элементов метаязыка словаря:

– Помета *устар.* для архаизмов, причем наличие варианта в современном языке может быть показано как в формулировке лексического толкования: **АГНИЦА** *Устар.* Овца, овечка; **ДИАЛЭКТ** *Устар.* Язык (обычно иностранный); **ДЕПО** *Устар.* Место для хранения чего-л.; склад, – так и в виде отсылки к современному варианту: **ИГРЕЦКИЙ** *Устар.* Предназначенный для игры; игорный; **ПЛЕНА́** 1. *Устар.* То же, что пленка; **РЕСТОРА́ЦИЯ** *Устар.* То же, что ресторан.

В тех же случаях, когда в толкованиях архаических слов отсутствует современная параллель, очевидно, за пометой *устар.* скрываются историзмы: **ЛАГУ́Н** *Устар.* Деревянный сосуд для жидкости в форме бочонка; **ОРАНЖА́Д** *Устар.* Прохладительный напиток из апельсинового сока и содовой воды.

– Ремарки, помещаемые перед толкованием, внутри или в конце толкования, в том числе *старое, старинное название, прежнее название, в старину* и др.; предложно-падежная форма «до + Р. п.», где предлог *до* употребляется для указания временного предела существования, а также форма прошедшего времени у глагольных форм, используемых в толковании значения слова: **ГА́РНЕЦ** Русская мера объема сыпучих тел, равная 1/8 четверика (3,28 литра), применявшаяся до введения метрической системы мер. **ДОСКА́** В старину – деревянная пластина, обычно обтягивавшаяся кожей и служившая переплетом книги. **2. МОНИТО́Р** Устаревший вид бронированных артиллерийских низкороботных кораблей для борьбы с береговой артиллерией.

Кроме того, в БАС-3 используются приемы, призванные показать особенности употребления слов пассивного запаса в современной речи: **ДЕПЕ́ША** *Устар.* Телеграмма (в соврем. употр. – обычно шутиливо). **ЕДИ́НОЖДЫ** *Устар.* Один раз (в соврем. употр. – в стилизованной речи). **ОБЛАЧА́ТЬСЯ** *Устар.* Надевать на себя какую-л. одежду; одеваться (в соврем. речи – обычно в приподнятой, стилизованной речи или иронически, шутиливо). **ПЕНСИОН** *Устар.* То же, что пенсия (в соврем. употр. с оттенком шутил.). **РЕ́ГУЛЫ** *Устар.* То же, что менструация (в соврем. употр. – в медицине).

Совершенно необходимы в словаре указания на особенности употребления для с л а в я н и з м о в, устаревших еще в допушкинскую эпоху и служащих стилистическим средством: **ВЕ́ЖДЫ** *Устар. поэт.* Веки; **ГЛАГО́ЛАТЬ, ГЛАГО́ЛИТЬ** *Устар.* Говорить, высказывать что-л. (в соврем. употр. – обычно в высокопарной речи или иронически).

Помета *устар.* характеризует не только слова и значения, но и другие неактуальные языковые факты: грамматические формы слов, ударение, написание, произношение и др., помещаемые в словарной статье за знаком «шпалы» или в справочном отделе словарной статьи: **ДРУГ** □ *Устар.* *Мн.* дру́ги (в соврем. употр. – обычно в поэтической или стилизованной речи). **ИГЛА́** □ *Устар.* И́гол, *род. мн.* **СНЕГ** □ Снега́, о́ви (*устар.* и в соврем. употр. в поэт. и стилизованной речи) сне́ги, о́в, *мн.* **ГАЗИРОВА́ННЫЙ** – С иным (*устар.*) удар.: гази́ рованный. **1. СЧИТА́ТЬ** (*сов. сосчита́ть* и (*устар.*) *счесть*).

Для явлений и понятий недавнего времени, но уже ушедших в прошлое, в БАС-3 введена ремарка «в советское время»: **ДОСАА́Ф** (прописные буквы), *нескл.* и (*разг.*) ДОСААФа, *м. Сокр.* В советское время – Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту; **ВЫКÍДЫВАТЬ**. В советское время – пускать в продажу (какой-л. дефицитный товар). Лексикографирование советизмов представляет особую сложность, поскольку они «с одной стороны, относятся к пласту не очень давно устаревшей лексики... а с другой стороны, могут быть привязаны к разным периодам существования СССР (в связи с чем включение в толкование элемента “В советск. время...” не всегда является достаточным и исчерпывающим)» [18. С. 377]. Тем более неправомерна для таких лексем помета *устар.* Ср.: **АВТОСТО́П** *Устар.* Документ, дающий туристу право на остановку попутных машин; туристское путешествие с таким документом. *Путешествовать по автостопу*; **ЛЕКПÓМ** *Устар.* Помощник лекаря (в 1 знач.), врача; фельдшер; **КВАРТУПОЛНОМÓЧЕННЫЙ** *Устар.* Уполномоченный от жильцов квартиры.

Также в БАС-3 была введена динамическая помета *устаревающее*, которая «указывает на то, что слово, его значение или форма переходит в пассивный запас литературного языка» [4. Т. 1. С. 25]. Эта помета преимущественно используется в первых томах словаря: **БЛАГОРАСПОЛОЖÉНИЕ** *Устаревающее*. Доброжелательное отношение, расположение к кому-, чему-л.; благосклонность; **БÚРЩИК** *Устаревающее*. То же, что бурильщик; **ВНАЙМЫ́** *Устаревающее*. То же, что внаем; **КНИГОЧÉЙ** *Устаревающее*. Тот, кто любит читать.

Очевидно, что за этой пометой собраны и хронологически, и стилистически разнородные языковые факты, что требует пересмотра их лексикографического описания. Так, по данным НКРЯ и других кор-

пусов текстов, слово *внаймы* хотя и менее употребительный вариант, чем *внаём*, но их соотношение остается примерно одинаковым на всем протяжении XIX – начала XXI в.; слово *бурищик* вытесняется словом *бурильщик* в 1970-е, но оно не встречается ранее 1920-х гг.; слово *благорасположение* (с конца XVIII в.) в наше время употребляется даже более активно, чем на протяжении XX в.

Кроме того, необходимо выработать приемы описания такого динамического процесса, как возвращение слова из пассивного словаря в активный. При этом слова могут «восстанавливать» ранее существовавшие значения, но более типичны случаи, когда слово возвращается в совершенно новом «смысловом обличье», с появлением нового компонента значения или даже нового значения:

БОМБАРДИР. 1. В русской армии и на флоте XVIII–XIX вв. – солдат или матрос, обслуживающий бомбардирские орудия. <...> // В XIX в. – звание в армейской артиллерии, соответствующее ефрейтору; артиллерист в таком звании. <...>

2. Разг. В некоторых спортивных играх с мячом и в хоккее – игрок нападения, забивающий наибольшее число голов в ворота соперника. *Лучший бомбардир чемпионата* [4. Т. 2. С. 130].

Однако не всегда корректно говорить о возвращении слова. Например:

РЕСПЕКТ *Устар.* Уважение, почтение. <...> – *Да вот все, до сего утра, со своими старыми измайловцами путался, а то бы непременно к вам заехал респект отдать.* В. Крест. Деда. <...>

– Вейсманн, 1731, с. 302: *р е с п е к т*; Нордетет, 1782: *р е с п е к т*. – Франц. *гесрест*, от лат. *gespectus* «уважение» [4. Т. 23. С. 627].

Жаргонное слово *респект*, которое сегодня активно употребляется в разговорной речи, проникает в публицистику и художественные тексты, является заимствованием из английского (*respect*) и вошло в русский язык заново в результате вторичного заимствования (т.е. из другого языка-источника и в другое время); при этом носители языка, употребляющие такого рода слова сегодня, едва ли знают о том, что они были известны 200 лет назад. Вряд ли можно говорить о том, что эти слова «вернулись»: они заново вошли в язык. Факты такого рода, очевидно, следует учитывать при хронологической квалификации лексики в словаре с историческим подходом к описанию лексики.

Использованные в БАС способы описания хронологически отмеченной лексики ярко демонстрируют противоречие нормативности и историзма в концепции словаря. Пометы *устар.* и *устаревавшее* квалифицируют лексику с точки зрения современной нормы, без учета времени вхождения слов в широкое употребление, периода их акту-

альности и устаревания внутри широких хронологических границ «от Пушкина до наших дней». Ремарка о стилистических особенностях «в современном употреблении» также не решает проблемы из-за неопределенности границ между «современным» и «историческим», а для архаизмов-старославянизмов (которые уже в допушкинскую эпоху не употреблялись номинативно, а играли роль стилистического средства) вообще нерелевантна. Кроме того, широкий исторический фон требует особых приемов описания динамических явлений, таких как возвращение слова из пассивного словаря в активный.

Интерпретация семантической структуры многозначного слова в БАС

Соотношением принципов нормативности и историзма определяется порядок расположения значений слова относительно друг друга: согласно хронологической логике их развития или исходя из синхронного представления о семантической структуре и ее деривационной связанности. Так, например, в описании слова *бомбардир* (см. выше) БАС-3 реализует хронологический подход, помещая на первое место историческое значение, однако современная норма, скорее, предполагает первенство «спортивной» семантики. При этом в данном случае дело осложнено отсутствием непосредственной деривационной связи между значениями, как с точки зрения синхронии, так и в историческом плане.

Составители «Инструкции...» 1958 г. заняли по вопросу семантической структуры слова компромиссную позицию, заявив о трех принципах расположения значений, реализуемых в словаре. Эти принципы, состоящие, как представляется, в иерархических отношениях, можно охарактеризовать следующим образом: 1) *логический* (значения выводятся одно из другого, «исходя из понимания смысловой структуры слова в данный период развития языка»), 2) *исторический* (на первое место выносятся исходное, пусть даже устаревшее значение, если «последовательность в развитии значений с отчетливостью различима по материалам *современного языка* (курсив наш. – Р.В., М.П., Е.П.)»), т.е. речь не идет о полноценном восстановлении семантической истории слова); 3) *справочный* (устаревшее значение, не являющееся опорным для современных значений, помещается в конце словарной статьи; тем самым подчеркивается, что оно представлено в

словаре в справочных целях, а не как неотъемлемый компонент семантической структуры) [16. С. 26–27].

При внимательном рассмотрении, однако, можно заметить, что между логическим и историческим подходами (в предложенной трактовке) нет непреодолимой преграды: единственное отличие их состоит в том, что «исторический» принцип допускает выход за пределы современного языка, но только тогда, когда исходное устаревшее значение является мотивирующей базой для актуальных значений. И здесь не возникает противоречий в тех случаях, когда, характеризуя исходное значение как устаревшее, БАС-1 квалифицирует его как *архаизм*, т.е. стилистически маркированный элемент лексической системы современного языка. Ср.:

ИСХОД. 1. *Устар.* Движение откуда-либо; выход. <...> *И мнит, что слышит струй кипенье, Что слышит ток подземных вод, И колыбельное их пенье, И шумный из земли исход.* Тютч. Безумие. Хронологию он ведет от потопа, указывая, сколько лет прошло от потопа... до исхода евреев из Египта. Ключ. Курс русск. ист.

2. Освобождение, избавление от чего-либо неприятного, тягостного, трудного. <...>

3. Обнаружение, выявление какого-либо чувства. <...>

4. Окончание, завершение чего-либо <...> [2. Т. 5. С. 572].

Современный словарь (БАС-3) подтверждает догадку о том, что первое значение мыслится здесь как стилистически (а не хронологически) обусловленное: помета *устар.* снята, а стилистическая характеристика представлена описательно:

ИСХОД. 1. Действие по 1 знач. глаг. исходить (2. Исходить); уход куда-л., откуда-л. (в соврем. употр. – в стилизованной или приподнятой речи). <...> *Воля – не стремление ли к ней порождало массовый исход на окраины государства, где жилось тяжело, но без казенной опеки.* С. Плеханов. Охота за словом [4. Т. 7. С. 482].

Такая архитектура словарной статьи как будто бы не вызывает особых возражений, однако, как было показано выше, помета *устар.* в наших словарях весьма неопределенна: она может служить одновременно и хронологическим, и стилистическим маркером. Это и создает путаницу в реализации «исторического» принципа расположения значений в БАС.

Так, отмечаются случаи (особенно в последних томах БАС-1), когда в начале словарной статьи оказываются значения, не имеющие отношения к современному литературному языку, хотя и действительно являющиеся опорными для современных значений. Ср.:

ЩЕПЕТИЛЬНЫЙ. 1. *Устар.* Связанный с галантерейными и парфюмерными товарами. <...>

2. *Устар.* Щегольской, опрятный в одежде. <...>

3. *Устар.* Придирчиво-педантичный, мелочный. <...>

4. Строго принципиальный до педантичности, чрезвычайно корректный в отношении с кем-либо или по отношению к чему-либо. <...>

5. Требующий осторожного и тактичного отношения; деликатный (во 2-м знач.) <...> [2. Т. 17. С. 1675].

Увлечшись интересным материалом, какой представляет собой история прилагательного *щепетильный* (подробно см.: [19. С. 532–533]), составители БАС-1 нарушили главный принцип словаря – отражение современной литературной нормы, и выдвинули на первый план значение, которое полностью вышло из употребления еще в середине XIX в. Любопытный и по-своему удачный пример описания семантической структуры слова с точки зрения логики ее исторического развития является, с другой стороны, иллюстрацией того, к каким последствиям может привести глубинная неопределенность, заложенная в концепции словаря.

«Справочный» принцип организации семантической структуры позволяет не только описать актуальные (или мотивирующие их) значения, но и представить своего рода «тупиковые ветви» семантической эволюции слова. Примером может служить описание слова *изъян* в БАС-3 (и схожее с ним в БАС-1):

ИЗЪЯН. 1. Неисправность, повреждение. <...>

2. Отрицательное качество, недостаток. <...>

3. *Устар.* Убыток, ущерб. *Не шей ты мне, матушка, Красный сарафан, Не входи, родимушка, Попусту в изъян!* Цыганов, *Не шей ты мне, матушка.* [Ефросинья Потаповна:] *Уж достался мне этот обед: что хлопот, что изъяну!* А. Остр. Бесприданница [4. Т. 7. С. 199–200].

По данным исторических словарей, в допушкинскую эпоху значение ущерба, убытка занимало центральное место в семантической структуре слова *изъян*, хотя «Словарь русского языка XVIII века» уже отмечает его переход из нейтрального в просторечное [20. Т. 9. С. 69]. В XIX в. находим множество примеров употребления этого значения, преимущественно в народной или сниженной речи. Однако далее значение затушевывается семантикой повреждения, недостатка и, действительно, с позиции современной нормы является устаревшим. Включение его в словарь полностью согласуется с факультативной исторической задачей БАС-1: «давать читателю справки исторического характера» [16. С. 7].

Однако в некоторых случаях использование «справочного» принципа расположения значений может, по словам В.В. Виноградова, «внушать ложные, антиисторические представления» [7. С. 14]. Например, описание пятого (последнего) значения слова *поверхность* в БАС-3 отмечено неопределенностью хронологической характеристики:

ПОВЁРХНОСТЬ. <...> 5. Устар. Преимущество, превосходство над кем-л. (в борьбе, споре и т.п.). *Пред сим одержали мы также важную поверхность над турками и взяли в плен славного Пашу Пелигвантоглу.* Арх. бр. Тург. *Теперь моя неоткровенность была бы подлостью, желанием иметь над тобою какую-то поверхность.* Бел. Письма. 1837 г. [4. Т. 17. С. 225] (аналогично – в БАС-1).

Приводимые цитаты относятся к пушкинской эпохе, и даже поиск по современным корпусам текстов не дает более нового материала. Кроме того, среди редких цитат первой половины XIX в., как правило, отмечаются употребления в стилизованной речи, ср.: *Нет ни приказа, ни повиновения, и лишь это неустройство было причиной всегдашней над ними [горцами] поверхности русских.* А. Бестужев-Марлинский. Рассказ офицера. *И вот, мы, после блистательных сражений, в которых везде одерживали поверхность над храбрым неприятелем – смело можно сказать, после побед – в полной ретираде!* Ф. Булгарин. Воспоминания.

Судя по всему, данное значение уже в пушкинские годы воспринималось как принадлежность языка предшествующей эпохи, когда оно действительно было общеупотребительным: Словарь XVIII века приводит целый ряд цитат и даже фиксирует устойчивое сочетание *взять (брать), одержать, иметь, получить... поверхность (над кем-чем и без доп.)* [20. Т. 20. С. 102]. Употребления, датируемые XIX в., скорее всего, являются частными рефлексамии старой литературной нормы и, таким образом, должны быть квалифицированы как полностью чуждые современному словоупотреблению.

Получается, что БАС с помощью своего метаязыка как бы уравнивает хронологические характеристики слов *изъян* и *поверхность*, выделяя в их семантических структурах отжившие значения. Однако на самом деле отношения этих значений к современной литературной норме различны, и словарь оказывается бессильным это показать.

Принципы расположения значений в БАС, хотя и исходят из нормативной предпосылки, все же допускают целый ряд возможностей для исторического описания лексики. Неопределенность такого решения часто приводит к составительскому волюнтаризму и, в конеч-

ном итоге, к искаженной исторической перспективе и неточным нормативным оценкам.

Таким образом, если, с одной стороны, авторам БАС удалось найти хрупкое равновесие между типологическими установками словаря и их реализацией в различных зонах словарной статьи, то с другой стороны, в процессе конкретной словарной работы выявляются значительные сложности, вынуждающие описывать языковой материал противоречиво, непоследовательно, а иногда и ошибочно. Объективной причиной этого являются теоретические противоречия в концепции словаря, что в конечном итоге не позволяет считать найденный компромисс между фундаментальными принципами словаря удачным. Именно *методология* словарной работы при составлении БАС оказывается самым уязвимым следствием теоретической неразработанности концепции.

Заключение

Проблема компромиссного объединения в концепции БАС двух противоположных начал – нормативного и исторического, является исторически сложившимся теоретическим (типологическим) противоречием, которое ведет к значительным методологическим затруднениям при работе над словарем.

Попытки решения этой проблемы были. Самый простой выход из ситуации был предложен Л.В. Щербой: «На вопрос, как же надо поступать, я, не задумываясь, отвечаю: надо делать два словаря, один – нормативный, а другой – справочник <...>. Если нельзя сделать двух словарей, надо вступить на путь компромиссов, четко их оговаривая» [11. С. 96–97]. Именно этим путем и пошла Академия наук, предложив тип большого академического словаря как *нормативного* словаря с элементами историзма, приводимыми для *справки*. Однако практическое воплощение позже показало, что принцип историзма пронизывает всю лексико-семантическую систему языка и не может быть сведен на справочный уровень. Отклонение от первоначального замысла наметилось уже в самом начале работы над словарем, а сегодня даже приводит к расширительным трактовкам концепции БАС-3 – как «*дескриптивного словаря*» (Л.Е. Кругликова) или «*словаря-тезауруса*» (А.С. Герд), что прямо противоречит установкам, однозначно сформулированным в предисловии: «БАС – это *нормативный словарь*» [4. Т. 1. С. 3].

Проблему соотношения принципов нормативности и историзма в большом словаре можно охарактеризовать как теоретически важную и, в некотором роде, центральную лексикографическую проблему: через ее решение определяется и тип словаря, и его адресат, и методология словарной работы, и – шире – специфика исторического пути русской толковой лексикографии. Ее решение, таким образом, связано и с историей, и с теорией, и с практикой составления толковых, особенно академических, словарей.

Решенная в работах классиков (Л.В. Щерба, В.В. Виноградов) *теоретически*, она остается насущной *практической* проблемой фундаментальной толковой лексикографии постольку, поскольку по-прежнему существует и не решена в большом академическом словаре – главном и самом большом словаре русского языка. Поэтому поиск конкретных лексикографических приемов для реализации принципов нормативности и историзма в рамках одного издания – это не проблема одного, пусть и самого большого, словаря, а проблема теории отечественной лексикографии в целом, проблема, которая требует анализа и решения в том числе потому, что после завершения работы над БАС-3 насущной необходимостью станет создание следующего, безусловно, цифрового большого академического словаря. Теоретические ошибки прошлого отечественной лексикографии не должны оставаться в ее будущем.

Список источников

1. Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. 632 с.
2. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. Т. 1–17 / гл. ред. В.И. Чернышев, С.Г. Бархударов, В.В. Виноградов, Ф.П. Филин. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
3. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. Т. 1–6 / гл. ред. К.С. Горбачевич. М. : Рус. яз., 1991–1994.
4. Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27 / гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. М. ; СПб. : Наука, 2004–2021 (издание продолжается).
5. Герд А.С. Большой академический словарь русского языка как словарь-тезаурус // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие : сб. статей к 150-летию со дня рождения ученого / отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 948–953.
6. Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 2. С. 85–103.

7. Виноградов В.В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966. № 6. С. 3–26.
8. Проект Словаря современного русского литературного языка / отв. ред. И.И. Мещанинов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. 98 с.
9. Чернышев В.И. Принципы построения академического Словаря современного русского литературного языка // Русский язык в школе. 1939. № 2. С. 50–53.
10. Воронцов Р.И. Еще раз о нормативности и историзме академического толкового словаря большого типа // История, теория и практика академической лексикографии / отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб. : ИЛИ РАН, 2022. С. 95–120.
11. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка. 1940. № 3. С. 89–117.
12. Виноградов В.В. Толковые словари русского языка // Язык газеты / под ред. Н.И. Кондакова. М. ; Л. : Гос. изд-во легкой промышленности, 1941. С. 353–395.
13. Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. Наук. Т. I–IV. СПб., 1847.
14. Постановление Президиума АН СССР // Вестник АН ССР. 1937. № 7–8. Хроника. С. 80.
15. Стенограмма собрания Отделения литературы и языка АН СССР по обсуждению проекта и I тома Словаря современного русского литературного языка. 26 мая 1939 г. Рукопись // Архив Отдела лексикографии современного русского языка ИЛИ РАН.
16. Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в пятнадцати томах) / ред. С.П. Обнорский, С.Г. Бархударов, Ф.П. Филин, А.М. Бабкин. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 88 с.
17. Бабкин А.М. Устарелые слова в современном языке и словаре // Современная русская лексикография, 1981 : сб. ст. / отв. ред. А.М. Бабкин. Л. : Наука, 1983. С. 4–33.
18. Генералова Е.В. Устаревшая лексика русского языка: вопросы преподавания и лексикографической интерпретации // Journal of Applied Linguistics. 2019. Т. 1, № 2. С. 371–380.
19. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М. ; Л. : Наука, 1965. 566 с.
20. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22 / гл. ред. Ю.С. Сорокин, З.М. Петрова, А.А. Алексеев. Л. ; СПб. : Наука, 1984–2019 (издание продолжается). Т. 9, 20.

References

1. Kozyrev, V. A. & Chernyak, V. D. (2015) *Leksikografiya russkogo yazyka: vek nyneshniy i vek minuvshiy* [Lexicography of the Russian language: the current century and the past century]. 2nd ed. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.

2. Chernyshev, V.I. et al. (eds) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 volumes]. Vols 1–17. Moscow; Leningrad: USSR AS.
3. Gorbachevich, K.S. (ed.) (1991–1994) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 20 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 20 volumes]. Vols 1–6. Moscow: Rus. yaz.
4. Gorbachevich, K.S. & Gerd, A.S. (eds) (2004–2021) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Vols 1–27. Moscow; St. Petersburg: Nauka,
5. Gerd, A.S. (2015) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka kak slovar'-tezaurus* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language as a Thesaurus Dictionary]. In: Krylova, O.N. & Priemysheva, M.N. (eds) *Akademik A.A. Shakhmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie: sb. statey k 150-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo* [Academician A.A. Shakhmatov: life, works, scholarly heritage: Articles on the 150th anniversary of his birth]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 948–953.
6. Ozhegov, S.I. (1952) O trekh tipakh tolkovykh slovarey sovremennogo russkogo yazyka [About three types of explanatory dictionaries of the modern Russian language]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 85–103.
7. Vinogradov, V.V. (1966) *Semnadsatimnyy akademicheskii slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka i ego znachenie dlya sovetskogo yazykoznaniya* [Seventeen-volume Academic Dictionary of the Modern Russian Literary Language and its Significance for Soviet Linguistics]. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 3–26.
8. Meshchaninov, I.I. (ed.) (1938) *Proekt Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Project of the dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
9. Chernyshev, V.I. (1939) Printsipy postroeniya akademicheskogo Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. [Principles of the design of the academic dictionary of the modern Russian literary language]. *Russkiy yazyk v shkole*. 2. pp. 50–53.
10. Vorontsov, R.I. (2022) Eshche raz o normativnosti i istorizme akademicheskogo tolkovogo slovarya bol'shogo tipa [Once again about the normativity and historicism of the academic explanatory dictionary of a large type]. In: Priemysheva, M.N. (ed.) *Istoriya, teoriya i praktika akademicheskoy leksikografii* [History, theory and practice of academic lexicography]. St. Petersburg: ILS RAS. pp. 95–120.
11. Shcherba, L.V. (1940) Opyt obshchey teorii leksikografii [An experience of the general theory of lexicography]. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*. 3. pp. 89–117.
12. Vinogradov, V.V. (1941) Tolkovye slovari russkogo yazyka [Explanatory dictionaries of the Russian language]. In: Kondakov, N.I. (ed.) *Yazyk gazety* [Language of the newspaper]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo legkoy promyshlennosti. pp. 353–395.
13. Second Department of the Imperial Academy of Sciences. (1847) *Slovar' tserkovnoslavyanskogo i russkogo yazyka, sost. Vtorym otd. Akad. nauk* [Dictionary of

Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. Vols I–IV. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

14. *Vestnik AN SSR*. (1937) Postanovlenie Prezidiuma AN SSSR [Decree of the Presidium of the Academy of Sciences of the USSR]. 7–8. p. 80.

15. Archive of the Department of Lexicography of the Modern Russian Language, ILS RAS. (1939) *Transcript of the meeting of the Department of Literature and Language of the USSR Academy of Sciences on the discussion of the project and Volume I of the Dictionary of the Modern Russian Literary Language*. May 26, 1939. Manuscript. (In Russian).

16. Obnorskiy, S.P. et al. (eds) (1958) *Instruktsiya dlya sostavleniya "Slovaryya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka" (v pyatnadsati tomakh)* [Instructions for compiling the Dictionary of the Modern Russian Literary Language (in fifteen volumes)]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

17. Babkin, A.M. (1983) Ustarelye slova v sovremennom yazyke i slovare [Obsolete words in the modern language and dictionary]. In: Babkin, A.M. (ed.) *Sovremennaya russkaya leksikografiya, 1981: Sbornik statey* [Modern Russian lexicography, 1981: Articles]. Leningrad: Nauka. pp. 4–33.

18. Generalova, E.V (2019) Obsolescent vocabulary of the russian language: Educational and lexicographic interpretation issues. *Journal of Applied Linguistics*. 1 (2). pp. 371–380. (In Russian).

19. Sorokin, Yu.S. (1965) *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30–90-e gody XIX veka* [Development of the vocabulary of the Russian literary language. 1830s–1890s]. Moscow; Leningrad: Nauka.

20. Sorokin, Yu.S. et al. (eds) (1984–2019) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Vols 1–22. Leningrad; St. Petersburg: Nauka.

Сведения об авторах:

Воронцов Роман Игоревич – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: roman.vorontsov.86@gmail.com

Приемышева Марина Николаевна – д-р филол. наук, зав. Отделом лексикографии современного русского языка, зам. директора Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: mn.priemysheva@yandex.ru

Пурицкая Елизавета Владиславовна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: purichi@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Roman I. Vorontsov, Cand. Sci. (Philology), senior researcher, Department of Modern Russian Lexicography, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: roman.vorontsov.86@gmail.com

Marina N. Priemysheva, Dr. Sci. (Philology), head, Department of Modern Russian Lexicography; deputy head, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: mn.priemysheva@yandex.ru

Elizaveta V. Puritskaya, Cand. Sci. (Philology), senior researcher, Department of Modern Russian Lexicography, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: purichi@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.01.2023;
одобрена после рецензирования 25.01.2023; принята к публикации 26.04.2023.*

*The article was submitted 15.01.2023;
approved after reviewing 25.01.2023; accepted for publication 26.04.2023.*